

Гоголя способствовали его раннему соприкосновению с культурой и литературой русского XVIII в. Однако, как свидетельствуют письма молодого писателя, литература XVIII в. сравнительно рано утратила для него свой живой, непосредственный интерес. За исключением нескольких случайных упоминаний вроде отклика на смерть Капниста в раннем письме к родителям (X, 45),² цитаты из широко известного стихотворения Державина (X, 292) или сделанного в письме к И. И. Дмитриеву от июля 1832 г. из сознательного желания угодить литературным вкусам адресата сопоставления украинской деревни 30-х годов с деревней, описанной «незабвенным Карамзиным» (X, 239), мы не находим в письмах Гоголя до середины 30-х годов строк, свидетельствующих об особом, пристальном интересе и внимании к русским писателям XVIII в.

Наиболее значительный факт творчества Гоголя начала 30-х годов, на основании которого мы можем судить о том, как воспринимал писатель в это время русскую литературу XVIII в. и кто из представителей был ему наиболее близок, — портрет Фонвизина, нарисованный в том эпизоде «Ночи перед рождеством» (1832), где изображается встреча запорожцев с Екатериной II. Драматург дан здесь как бы глазами кузнеца Вакулы, и его образ окрашен восприятием простодушного кузнеца, ослепленного великолепием царского двора. Но юмор, проникающий этот эпизод, не помешал Гоголю намекнуть на независимость Фонвизина. Выделяясь своим «скромным кафтаном» среди пышно разодетых екатерининских вельмож, Фонвизин в то же время под предлогом недостатка у него дарования отклоняет предложение царицы, побуждающей его изобразить своим «остроумным пером» патриархальную простоту Вакулы и великодушие «Северной Семирамиды» (I, 237). Стремление подчеркнуть скромное положение Фонвизина при дворе и вместе с тем его достойное и независимое поведение перед лицом Екатерины (противопоставленное пышности и работе придворных и самого Потемкина!) свидетельствует о несомненной близости молодому Гоголю этих черт характера автора «Бригадира» и «Недоросля».

Тем не менее для формирования поэтики повестей Гоголя начала 30-х годов определяющее значение имели не традиции русского XVIII столетия, но новые поэтические мотивы, композиционно-стилистические приемы и жанровые схемы, выдвинутые русской и западноевропейской литературой XIX в. и противостоявшие в сознании Гоголя и его современников наследию литературы русского классицизма. Таковы песенно-сказочная, народно-поэтическая и этнографическая стихия, составляющая основу

² Здесь и далее ссылки в тексте даются на академическое издание сочинений Гоголя: Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., тт. I—XIV, Изд. АН СССР, М., 1940—1952. Римская цифра обозначает том, арабская — страницу.